

период „смутного времени“, ознаменованный иностранной интервенцией, борьбой различных кланов за царский престол, крестьянской войной. Занятое устройством своих внутренних дел, оно на время оставляет Кавказ.

Как мы уже говорили, историческая обстановка, сложившаяся во второй половине XV века, содействовала политическому и культурному сближению Грузии с Россией. Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению первых русско-грузинских литературных связей.¹

В 1380 году под предводительством Дмитрия Донского русские войска разбили монгольские полчища на Куликовом поле. Это был серьезный этап в освобождении Руси от монгольского ига. Победа на Куликовом поле способствовала укреплению власти московского князя и успешному объединению русских княжеств вокруг Москвы в единое централизованное государство. Москва постепенно становилась общерусским политическим и культурным центром. Оживленная литературная деятельность, развернувшаяся в Москве, была тесно связана с политическими устремлениями и интересами своей эпохи.

Определенный интерес представляет для нас сказание о посольстве греческого царя Льва-Василия из цикла сказаний „О Вавилонском царстве“. Древнейшие тексты сказания о Льве-Василии восходят к XV веку.² Главными действующими лицами сказания являются грек, русский и бежанин — абхазец, т. е. представители трех оставшихся независимыми православных стран: Византии, Руси и Грузии. Присутствие в русском сказании бежанина — факт, достойный внимания. Он указывает на то, что на Руси хорошо были осведомлены о том месте, которое в тогдашней международной жизни³ занимала как представительница Грузии одна из наиболее сохранившихся после нашествия Тамерлана ее областей — Абхазия.

Под бежанским языком в этой повести несомненно подразумевается язык грузинский, так как абхазский язык почти до советского времени был языком бесписьменным.⁴

Следующим значительным памятником русско-грузинских литературных связей является „Повесть о грузинской царице Динаре, како победи перского царя“. Повесть сохранилась в большом количестве списков, но все они не древнее XVI века; самый ранний список относится к третьей четверти XVI века. Сопоставление списков между собою, замечает один из исследователей „Повести о Динаре“, приводит

¹ Советская историческая наука уделяет изучению данного вопроса большое внимание. См., например, работы: Н. А. Бердзенишвили. Из истории русско-грузинских взаимоотношений на рубеже XVI—XVII веков. Из истории Грузии XVIII в. Тбилиси, 1944; Я. Цинцадзе. Разыскания о русско-грузинских взаимоотношениях. Тбилиси, 1947.

² Идейный анализ этой повести см. в статье М. О. Скрипиля, помещенной в этом томе.

³ Выше мы уже отметили ряд сведений о Грузии, помещенных в русских летописях. К этому можно еще прибавить интересный рассказ, повествующий о происходившем в Ферраре и во Флоренции (1438—1439) восьмом вселенском соборе, который принял решение о соединении православной церкви с католической. Русский летописец довольно подробно описывает поведение на этом соборе иверского митрополита Григория, который не согласился принять унию и покинул собор (см.: ПСРА, т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853, стр. 152, 159).

⁴ У азербайджанского поэта XII века Хакани, писавшего по-персидски, имеется такой байт (двустипшие): „От любви к этой красавице кудрявой, яснолицой стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински“ (А. Н. Болдырев. Два ширванских поэта, Низами и Хакани. Сборник „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938, стр. 137). — Этот байт свидетельствует о широком распространении вне пределов Грузии смешения понятий „абхаз“ и „грузин“.